

Н. П. Миронова

**Этнические стереотипы в молодежной среде:
содержание и функционирование**

УДК 316.3+316.6

В статье анализируется содержание этнических стереотипов у современной молодежи Республики Коми на примере студентов г. Сыктывкара. Приводится описание результатов ряда социологических исследований 2007–2012 гг. Анализируется роль этнических стереотипов в процессе идентификации. Показан сложный характер этнической идентичности и ее символическое значение для современной молодежи Республики Коми.

Ключевые слова: *идентичность, этническая идентичность, молодежь, культурные ориентации, этнические стереотипы.*

Mironova N. P. Ethnic stereotypes in the youth sphere: contents and functioning

The article analyzes the content of ethnic stereotypes of the modern youth in the Komi Republic as example students in Syktyvkar. The results of some sociological studies during 2007–2012 are described. The level of knowledge about ethnicity in the identification process are shown. It gives the complex structure of ethnic identity and its symbolic significance for the modern youth of the Republic of Komi.

Key words: *identity, ethnic identity, ethnicity, youth, ethnic and cultural orientation, ethnic stereotypes.*

Внутренняя противоречивость современных этнических процессов, которая часто определяется как этнический парадокс современности, их многоаспектность определяют специфику функционирования этнического фактора в модернизированном информационном обществе. С одной стороны, этнические символы приобретают характер продукта потребления, приспособляются к условиям рынка и включаются в него. С другой, наиболее отчетливо функционирование этничности проявляется в конкретном межэтническом взаимодей-

вии. Межэтнические отношения могут быть рассмотрены на двух уровнях — личностном и групповом. Они складываются в разных сферах жизни — в области политики, трудовой деятельности, в быту, семье, дружеском, неформальном общении. Характер межэтнических отношений (дружественные, нейтральные либо конфликтные) зависит от исторического прошлого, социально-политической обстановки, от экономических и культурно-бытовых условий жизни, непосредственной конкретной ситуации. Межэтнические отношения содержат в себе рациональные, когнитивные элементы, эмоционально-оценочные и регулятивные компоненты и всегда субъективно переживаются [19, с. 177]. По мнению Т. Г. Стефаненко, межэтнические отношения — это не только отношения между группами (доминирования или подчинения, соперничества или сотрудничества), но и отношения к группам, которые проявляются в представлениях о них — от позитивных образов до предрассудков [19, с. 220].

Межэтнические контакты на межличностном уровне могут оказывать как положительное (понижается враждебность, уменьшается степень выраженности негативных стереотипов), так и отрицательное (усиливаются предубеждения к «чужим людям») влияние на человека. Этот аспект этнической идентичности крайне важен при изучении этнических стереотипов. Этнический стереотип подразделяется на два вида: автостереотип и гетеростереотип. Автостереотипы — это мнения, суждения, оценки, относимые к данной этнической общности ее представителями. Обычно автостереотипы содержат комплекс положительных оценок. Гетеростереотипы — совокупность оценочных суждений, выносимых о других народах представителями данной этнической общности.

Стереотип, аккумулирующий некий стандартизированный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение [5, с. 187–205]. То, что каждому человеку обычаи, нравы и формы поведения, в которых он воспитан и к которым привык, ближе, чем другие, вполне нормально и естественно. Проблема возникает лишь тогда, когда эти действительные или воображаемые различия возводятся в главное качество и превращаются во враждебную психологическую установку

по отношению к какой-то этнической группе. Эта установка обладает большой устойчивостью и очень плохо поддается изменению под влиянием рациональных доводов. Весь комплекс существующих на сегодняшний день гетеростереотипов в молодежной среде Республики Коми можно подразделить на две основные группы: 1) наличие скрытой дистанции между основными этническими группами — коми и русскими; 2) представления о «чужих», порождающие разного рода этнически окрашенные фобии, в отношениях между основным населением, постоянно проживающим на территории республики независимо от национальности, и переселенцами с юга России и стран СНГ.

Основными источниками по данной теме являются данные этносоциологических исследований и мониторингов общественного мнения, проводившихся в Республике Коми за последние десять лет. Наиболее крупными из них являются следующие исследования: 1) республиканский социологический опрос «Я и мой народ — 2004» (выборка по учащейся молодежи составила 429 человек); 2) материалы республиканского мониторинга 2008 г., организованного Институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН по заказу Министерства национальной политики Республики Коми. Некоторые сведения по отношению к мигрантам в молодежной среде содержатся и в полевых материалах автора, которые включают данные этносоциологического опроса студенческой молодежи г. Сыктывкара (в 2007 г. выборка составила 500 чел., в 2012 г. по схожей программе было опрошено 300 чел.), а также глубинных интервью со студентами (всего за весь период исследования приняло участие 50 чел.). Цель данной работы — выявление содержания основных этнических стереотипов и оценка уровня «мигрантофобии» в молодежной среде Республики Коми.

Данные массовых опросов 1990-х гг. позволили отметить наличие субъективной психологической дистанции русского населения республики с титульным этносом. Подобный вывод делается на основе анализа высказываний русской и коми молодежи о степени их взаимного доверия. Представители как коми, так и русской молодежи практически в равной степени доверяют своим собственным народам. Одновременно мера доверия русских

респондентов к коми народу ощутило меньше, чем то, насколько коми доверяют русским, при этом среди опрошенных русских почти вдвое выше доля лиц, вообще не доверяющих представителям коми народа [14, с. 14]. Существование субъективной психологической дистанции у русских, проживающих в республике, по отношению к коми В. М. Пешкова объясняет тем, что акцентирование внимания в обществе на необходимости возрождения национальной культуры титульного этноса вызвало трансформацию социальной и культурной неудовлетворенности в межэтническую предубежденность русской молодежи к представителям титульного этноса. Кроме того, вероятно, ими наследуется некий комплекс предубежденности, который сложился в среде городского русского населения республики. Это население сформировалось в основном из внешних мигрантов в очень краткий исторический срок, и у него не сложилось прочных традиций взаимодействия с коми этносом [14, с. 14]. Что касается первого типа дистанции, то она не проявляется отчетливо и усматривается лишь в некоторых повседневных практиках молодых людей, поэтому количественный анализ не позволяет полностью охарактеризовать такое проявление межэтнического взаимодействия. В данном случае более показательными являются материалы интервью, в которых описаны проявления этнических стереотипов. Так, например, студентка гуманитарного факультета Сыктывкарского государственного университета отмечает: «...когда я сама стала слышать уже в свой адрес “комячка” или же “татарка”, понимая, что это неверно, я объясняла людям, что в свидетельстве о рождении в графе “национальность” у меня записано “русская” и искренне недоумевала: почему это столь важно?» (Интервью № 26 ж., г. Сыктывкар, гуманитарный факультет СыктГУ). В данном случае показан пример навязывания этничности со стороны, приписывание человеку маркеров титульного меньшинства и перенос стереотипных представлений. Внешний критерий приписывания особенно важен, когда этничность проявляется в очень явных физических характеристиках. Вот несколько самых ярких описаний, которые дают русские студенты абстрактному образу коми: «они обычно рыжие, конопатые, особенно объячевские» (Интервью № 35, ж., 1986 г.р., п. Благоево — колледж экономики и права СыктГУ) или

«некоторые коми такие черные, коротышки с длинными руками» (Интервью № 32 м., 1989 г.р., г. Микунь — колледж экономики и права СыктГУ), такие схематичные стереотипные представления о внешнем облике коми имеют мифический характер. Подобные представления формируют собирательный «портрет» коми, который восходит к архетипу «абсолютного Другого». Что значит быть абсолютно другим в клишированном сознании типичного городского жителя? Это значит быть уроженцем и жителем периферии, сельским жителем, носителем другого (т. е. нерусского) языка, человеком с иными ценностями и образом жизни, нетипичной (не встречаемой в городах) профессией, малограмотным, с нетипичными для горожанина потребностями и запросами. Этот портрет полностью дихотомичен и выстроен в негативных терминах (терминах отсутствия) [18].

В этнопсихологии при анализе этнических представлений рассматриваются эмоциональные и социально-психологические стороны группового «Я-образа». В этой связи необходимо обратить внимание на исследования В.М. Бызовой. Согласно выводам В. М. Бызовой, русским, проживающим в Коми, свойственна оптимальная социально-психологическая адаптация, уверенность в себе, активная самореализация. В межэтническом восприятии коми оценивали русского как уверенного в себе, независимого, самостоятельного, деятельного, решительного, доминантного в поведении [1, с. 56–57].

Выводы данных этнопсихологических исследований согласуются с данными опроса молодежи 1997 г. В рамках этого опроса, в частности, выяснилось отношение молодежи к проблеме приоритетности воспитания тех или иных качеств в детях. Большинство опрошенных русских юношей и девушек считают, что в настоящее время в первую очередь в детях следует воспитывать самостоятельность и бесстрашие. Молодежь титульной национальности считает предпочтительным воспитывать в детях послушание, любознательность и ответственность [14, с. 14]. В своем исследовании городского русского населения Республики Коми В. М. Пешкова рассмотрела структуру представлений русских, проживающих в Коми, о своей этнической группе в сравнении с представлениями коми о русских и пришла к следующим выводам. В целом на невербальном и вербальном уровнях самооценка русских выше, чем то, каким образом коми оценивают сами

себя. Тем не менее образ коми этноса в сознании русских, проживающих в Республике Коми, и образ русских в представлениях коми не только в достаточной степени позитивны, но и близки по структуре. Существенная степень сходства автостереотипов русских и гетеростереотипов коми населения Республик Коми свидетельствует о достаточной культурной близости этих народов, указывает на адекватность и толерантность взаимодействия [14, с. 13]. Результаты этнопсихологических исследований основных этнических общин республики — коми и русских — показали преобладание позитивных оценок себя представителями обеих групп [15, с. 103].

Куда более красноречивы и определены сведения о наличии дистанции между населением республики и недавним мигрантским сообществом. В отечественной социологии всесторонний анализ мигрантских дискурсов в российском общественном сознании осуществил В. И. Мукамель [10, 11]. Ряд исследований этнической информации в дискурсе СМИ представлен также в работах В. К. Мальковой [6, 7]. В Республике Коми проблема отношения населения к мигрантам рассматривается в рамках изучения истории межэтнического взаимодействия в регионе [3, 16, 17, 21], при оценке конфликтного потенциала в межнациональной сфере [8, 22] и при характеристике уровня региональной идентичности [23, 24, 25].

Опросы, проводившиеся в республике в 1990-е гг. и в первой половине текущего десятилетия, неизменно фиксировали высокий уровень «кавказофобии», который не только не снижался, но и имел тенденцию к возрастанию. Данные опроса «Я и мой народ», проведенного в Коми в 2004 г. показали, что ксенофобские настроения стали важной составляющей массового сознания: 40,2 % респондентов заявили, что не доверяют представителям кавказских народов [22, с. 98]. По данным того же опроса, среди молодежи уровень «кавказофобии» выше общереспубликанского на 10 %. На вопрос анкеты 2007 г. об отношении к мигрантам из стран ближнего и дальнего зарубежья, основная масса молодежи ответила «нейтрально». При этом количество респондентов, выбравших вариант ответа «скорее отрицательно», в два раза превосходит число выбравших «скорее положительно».

Также результаты республиканского мониторинга 2008 г. показали, что, по мнению жителей Республики Коми, более подвержены не-

терпимому отношению к лицам других национальностей молодежь школьного возраста — 34,6 % и студенчество — 40,8 % [17, с. 136–143]. Весьма показательными являются ответы на вопрос о недавних этнических мигрантах, полученные в рамках проекта «Этнокультурная ситуация в Сыктывкаре». Респондентам предлагалось выделить этнические группы населения РК, которые, по их мнению, возникли недавно. Затем предлагалось определить свое отношение к данным группам. О своем положительном отношении к «новым этническим группам» заявили 13,7 % респондентов, о нейтральном — 64,6 %, об отрицательном — 21,7 % [24, с. 126]. Среди таких групп на первом месте находятся «кавказцы» (37,0 %), на втором азербайджанцы (27,5 %), на третьем армяне (10,9 %), затем идут китайцы (7,4 %) и вьетнамцы (7,2 %). Последние группы, конечно, являются мифическими, ибо количество тех и других ничтожно, но в массовом сознании уже прочно сформировано представление об угрозе из Азии; данные группы по частоте упоминания обошли реально формирующиеся группы. Так, например, в одной из статей в молодежной газете «Твоя параллель», которая посвящена проблемам межнациональной розни и призывает к толерантному отношению, проводится аналогия между событиями во Франции 2006 г. и ситуацией с мигрантами в России. «Вызывают интерес также и события, происходившие не так давно во Франции. Это бунт эмигрантов, по преимуществу чернокожих. Есть в России проблема нелегальной миграции? Есть. В нашей республике это проявляется не так часто, но бывали ли вы во Владивостоке, где сплошь и рядом китайцы? Или в Москве, где нелегалов-гастарбайтеров пруд пруди» [20, с. 9]. В данном случае происходит искажение реальной ситуации и подмена понятий, когда все трудовые мигранты Москвы приравниваются к нелегальным мигрантам, проблема значительно гиперболизируется. На сегодняшний день нет четкого понимания как со стороны властных структур, так и широкой общественности республики проблемы необходимости интеграции мигрантов в принимающую среду. Хотя отдельные сдвиги в этом направлении могут быть отмечены. Так, например, в марте 2010 г. по инициативе Министерства национальной политики в Республике Коми совместно с национально-культурными автономиями «Узбекистан» и «Азербайджан» были организованы курсы по изучению русского языка для ми-

грантов из Кыргызстана и Узбекистана. Среди мигрантов, пришедших на курсы, большая часть — молодежь 1986–1989-х годов рождения. Основная часть работает на ЛПК, также мигранты заняты в строительстве, работают бетонщиками, каменщиками, водителями и слесарями [4].

На сегодняшний день масштабная трудовая миграция из стран Средней Азии не характерна для Республики Коми. Действительно, если обратиться к конкретным цифрам, то окажется, что «не так страшен черт, как его малюют». Для осуществления трудовой деятельности иностранным гражданам УФМС России по Республике Коми за 9 месяцев 2010 года было оформлено 2175 разрешений на работу. С учетом ранее выданных разрешений на работу на территории Республики Коми трудятся 1647 иностранных работников. Кроме того, иностранным гражданам выдан 221 патент, который позволяет работать у физических лиц [12]. По данным исследований Центра миграционных исследований, доля иностранцев среди занятого населения Республики Коми составляет 1,1 %. В данном случае вопрос привлечения иностранной рабочей силы — это дело конкретных работодателей и лежит, прежде всего, в экономической плоскости, нежели в культурной. Гораздо большее значение в анализе мигрантофобии приобретает фактор компактного проживания выходцев из республик Северного Кавказа, численность данной группы населения увеличилась с середины 1990-х гг. Эти мигранты преимущественно заняты в сфере торговли. И как показывают исследования, мигрантофобия в Коми равно «кавказофобия». Причем, негативное отношение к «кавказцам» как к чужакам распространяется и на другие этнические группы — молдаван, узбеков, киргизов и т.д. В данном случае даже не этничность выступает демаркационной линией между своими и чужими, притом, что часто обыватель не различает азербайджанца и чеченца, таджика и узбека, а цвет кожи: «черные», или «съодъяс». В 2012 г. 53 % студенческой молодежи независимо от этнической принадлежности охарактеризовало состояние межэтнического взаимодействия в регионе как «относительно спокойное», благополучными их назвали 16,9 % респондентов. Снижение уровня позитивной оценки говорит, видимо, не столько о реальных проблемах в межэтническом взаимодействии, сколько о нарастающей тревожности при оцен-

ке ситуации в данной социальной сфере. Действительно, если обратиться к конкретным цифрам, то окажется, что «не так страшен черт, как его малюют». При ответе на вопрос анкеты 2012 г. о том, есть ли народы, к представителям которых вы относитесь с недоверием, 48,6 % молодых людей выбрали вариант «таких народов нет», но 18 % все-таки указали на свою предубежденность к «кавказцам».

Члены групп меньшинств и выходцы из межэтнических браков проходят через «постоянный внутренний референдум» на лояльность к той или иной общности. У этих людей в процессе этнической идентификации кроме критерия приписывания большую роль играет и критерий внутреннего выбора. Даже люди, имеющие объективные основания причислять себя к какой-либо общности, например дети из смешанных в этническом отношении браков, часто оказываются чужими для нее. В одном из интервью была описана подобная ситуация: «... я родился в Азербайджане (г. Баку), отец привез мою мать из Коми АССР в начале 1980-х гг., а когда началась война, мы всей семьей (у меня еще есть старшая сестра Адыля) убежали на Родину матери в село Дон Усть-Куломского района Республики Коми, и в детский сад я пошел уже там. Конечно, в отличие от моей старшей сестры, азербайджанского языка я не знал, зато по-коми говорил лучше многих местных. Но за мной на всю жизнь в деревне закрепилось прозвище “щед Эльмар”, так до конца и не приняли за своего...» (Интервью № 12, м., 1985 г.р., с. Дон — филологический факультет КГПИ).

Конечно, важно, в каком контексте задаются вопросы об отношении к тем или иным этническим группам. Тем не менее следует признать, что уровень этнической интолерантности достаточно высок, что доказывают и материалы глубинных интервью со студентами вузов г. Сыктывкара. Так, при описании значения и содержания своей этнической принадлежности часто встречаются замечания по отношению к мигрантам из кавказского региона: «...я совсем не хотела бы быть кавказской национальности в Республике Коми, мне кажется, я чувствовала бы себя неуютно...» (Интервью № 5, ж., 1988 г.р., г. Емва — колледж экономики и права СыктГУ) или «...могу честно сказать, что испытываю личную неприязнь к лицам кавказской национальности, т.к. они засоряют нашу республику и занимают рабочие места, где могли бы работать местные жители...» (Интервью № 16, м., 1988

г.р., п. Троицко-Печорск — колледж экономики и права СыктГУ). Утверждается мнение, что мигранты из Северного Кавказа составляют значительную конкуренцию для местных жителей, хотя на самом деле данная категория мигрантов задействована только в торговле, где доля местных минимальна.

Важным показателем, свидетельствующим о том, что интолерантность широко распространена, является тот факт, что большинство респондентов могут назвать случаи проявления интолерантности: большая часть знакома с такими примерами из СМИ (61,2 %) [24, с. 126]. В республиканских печатных изданиях начинает активно муссироваться тема толерантности, уважения прав личности, противостояния ксенофобии после событий в Кондопоге. Среди национальной элиты сформировался дискурс поддержки карельского партнера по финно-угорскому миру и переложение проблемы на собственный регион. В ходе анализа выпусков молодежной газеты «Твоя параллель» за 2006–2010 гг., интернет-сайтов информационных агентств оказалось, что, с одной стороны, призывы звучали вполне позитивные, даже в названии статей: «Строители свободного мира», «От чего отводят наши глаза», «Истинная национальность — человек», «Как противостоять экстремизму» и т.д. Но при всем при этом содержание информации и те дискурсы, в которых рассматривалась проблема отношения к мигрантам, сохраняли негативный оттенок. Вот некоторые примеры: «Нужно уважать чувства людей, которые испытывают искреннее негодование при виде беззаконий, совершаемых людьми другой национальности... Как должен реагировать человек на события вроде тех, благодаря которым стала известна карельская Кондопога?» [13, с. 8], «Вспомните, у кого чаще всего работники Госнарконтроля изымают героин? И это касается не только Республики Коми. По статистике, чаще всего продажей и ввозом наркотиков занимаются лица неславянской национальности» [20, с. 9]. Мигранты рассматриваются только как нелегальные, представляющие угрозу для общества, с ними связываются криминальные разборки и распространение наркотиков, конкуренция дешевой иностранной рабочей силы. Но не менее значимы и другие источники информации: Интернет (21,4 %), рассказы других людей (25,5 %), надписи на

заборах и стенах (40,0 %). При этом 14,5 % указали, что сами были свидетелями унижения, оскорбления людей на основании их религиозной или этнической принадлежности, а 3,3 % респондентов сами были либо участниками, либо пострадавшими в подобных инцидентах. Более того, 22,8 % респондентов указали, что знакомы со случаями, когда человека увольняли из-за его принадлежности к определенной этнической группе. При этом 11,9 % согласны с тем, что человеку можно отказать в приеме на работу только на основании его принадлежности к этнической, расовой или религиозной группе, а еще 33,0 % допускают это с оговорками [24, с. 149].

Высокая степень поддержки действий, связанных с вытеснением из тех или иных сфер деятельности нежелательных этнических конкурентов, объясняется, с одной стороны, отсутствием в республике продуманной и последовательно реализуемой миграционной политики и стратегии воспитания толерантности у населения, а с другой — поддержкой со стороны властей идей этнического фаворитизма (здесь наиболее типична долгое время была формула «поддержка коренного народа есть главное направление национальной политики в Республике Коми») и глубоко укоренившейся практикой символического разделения республиканского сообщества на две качественные социальные страты, выделяемые по этническому признаку: «коренной народ — некоренное население». Такое схематичное противопоставление широко используется крайними националистическими силами в пропаганде своих идей.

Согласно данным, полученным в ходе опроса Комистата в 2007 г. при ответе на вопрос о том, какие партии, движения и объединения вызывают симпатию и доверие, 0,3 % всех опрошенных в возрасте 14–29 лет назвали какие-либо организации экстремистской направленности (крайне правые, РНЕ, национал-социалисты, скинхеды). По сравнению с данными 2002 г. не наблюдается роста «рейтинга» экстремистских организаций в сознании молодежи. Также каждый девятый респондент сообщил, что ему известны организации, пропагандирующие превосходство одной религии над другой в его населенном пункте, а каждый шестой из числа опрошенных студентов знает организации, пропагандирующие превосходство одной национальности

над другой [9, с. 31]. Похожие данные были получены в ходе опроса студенческой молодежи в 2007 г. Примерно 44 % опрошенных ответили, что никогда не слышали о деятельности таких организаций, как РНЕ, ДПНИ, СНВ; 38 % — что-то слышали, но никогда специально не интересовались; 11 % — знают о их деятельности, но не разделяют программных установок. Причем подавляющее число молодых людей согласны с утверждением, что деятельность неформальных молодежных объединений, радикальных, религиозных и националистических организаций часто сопровождается совершением тяжких преступлений.

Наличие культурной дистанции наиболее остро проявляется при анализе поведения в сфере личного общения и в содержании этнических стереотипов, которые широко распространены в общественном мнении. На вопрос анкеты 2007 г. о готовности принять в качестве члена своей семьи представителя любой национальности, расы, религии, большинство опрошенных студентов всех этнических групп ответили, что скорее согласны с данным утверждением. Среди русских молодых людей на 10 % больше скорее несогласных принять в свою семью представителя другой национальности расы, религии; наибольшее число полностью согласных лишь среди представителей других этнических групп — 30%, тогда как среди русской молодежи таких — 14 %, а среди коми — 9 %.

Похожая ситуация наблюдается при распределении ответов на вопрос: «В смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности?» Среди представителей других этнических групп на 10% больше абсолютно не согласных с данным утверждением по сравнению с коми и русской молодежью, тогда как скорее согласных среди коми больше всего — 22 %, у русских — 17 %. Таким образом, наиболее терпимыми по отношению к людям разных национальностей являются представители неосновных этнических групп Республики Коми. Вполне естественно, что в полиэтничной республике отношение к межэтническим бракам в целом является весьма позитивным: только 10 % респондентов в той или иной мере не поддерживают заключение брачных союзов между представителями разных этнических групп населения, а остальные либо выступают в их поддержку, либо относятся к ним нейтрально. В республике, где около 40 % семей — это семьи, где супруги принадлежат к

разным этническим группам, а доля межэтнических браков у некоторых групп (например, у коми) превышает половину от всех заключаемых браков, иного отношения и быть не могло [9, с. 31].

Совершенно естественно, что в Коми 77,6 % респондентов заявили, что среди их друзей и знакомых есть люди разной этнической принадлежности (друзья и знакомые только «одной национальности» у 13,5 %), а 8,8 % респондентов вообще указали, что не знают об этнической принадлежности своих друзей [24, с. 115]. По данным опроса студенческой молодежи 2007 г., подавляющее большинство респондентов имеет друзей разных этнических групп. Несмотря на существующую предубежденность в характере межэтнических установок, с середины 1990-х гг. в Республике Коми отмечается довольно высокий уровень позитивной оценки межэтнического взаимодействия в РК. Так общереспубликанский опрос 1996 г. показал, что 42,3 % респондентов оценили межэтнические отношения в РК как «очень хорошие»; 51,2 % опрошенных согласились с тем, что они «в целом нормальные, но есть некоторые проявления межнациональной вражды», а 1,2 % решили, что они плохие [2].

По данным опроса 2007 г., половина как коми, так и русской молодежи оценивают состояние межнациональных отношений как относительно спокойное. Но с другой стороны, каждый пятый независимо от национальности говорит о напряженном состоянии межнациональных отношений в Республике Коми и лишь каждый десятый респондент называет их благополучными. В такой ситуации характеристика состояния межнациональных отношений как «относительно спокойное» является достаточно противоречивой, и при определенных условиях маятник настроений может колебаться от «благополучного» к «напряженному». Снижение уровня позитивной оценки говорит, видимо, не столько о реальных проблемах в межэтническом взаимодействии, сколько о нарастающей тревожности при оценке ситуации в данной социальной сфере.

В свою очередь, анализ структуры идентификационного поведения показал, что социокультурная идентификация молодежи вне зависимости от этнической принадлежности в целом схожа и включает одни и те же ценностные ориентации, в которых этнические характеристики занимают далеко не первые ранговые места. Наиболее есте-

ственным для человека является стремление к сохранению позитивной этнической идентичности. Важной в этой связи представляется следующая закономерность: позитивная этническая идентичность обязательно предполагает наличие достаточно благоприятных образов других этнических групп и высокую толерантность по отношению к ним. Иными словами, чем благоприятнее представление человека о собственной этнической принадлежности, тем терпимее он в отношении других этносов, и тем менее схематизированными и однозначными становятся его представления о «чужих». В свою очередь позитивное самоощущение и позитивная этническая идентичность во многом зависят от социально-экономической обстановки в регионе: чем она благоприятнее и чем больше возможностей для самореализации молодого поколения, тем меньше межэтническая напряженность. На сегодняшний день признается низкий уровень региональной идентичности среди молодежи. В 2012 г. 45 % опрошенных студентов отметили, что жители республики не составляют единого территориального сообщества. Республика не является привлекательным в социально-экономическом и культурном плане регионом для молодежи. Примерно треть студентов готова навсегда уехать из родной республики. Отмечается фрагментированность самого республиканского общества, что не позволяет сложиться обществу с едиными целями и тесными территориальными связями и затрудняет процессы интеграции мигрантов.

1. Бызова В. М. Психология этнических различий в самосознании коми и русских. Сыктывкар, 1997. С. 56–57.

2. Вячеславов В., Ковалев В., Шабаев Ю., Ярошенко С. Республика Коми: экономика, политика, национальные отношения (Социологический портрет весны 1996 года) // Вестник Государственного Совета Республики Коми. 1996. № 3.

3. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М. : Наука, 1982. Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века). Сыктывкар, 2005.

4. Как корреспондент «КомиОнлайна» изучал русский язык вместе с мигрантами. URL: <http://komionline.ru/news/19627> (дата обращения: 26.10.2010)
5. Кон И. С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир. 1966. № 9. С. 187–205.
6. Малькова В. К. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности. URL: <http://www.mdn.ru/information/sections/vk-malkova> (дата обращения: 29.03.2011)
7. Малькова В. К. «Не допускается разжигание межнациональной розни...». Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. 2-е изд. М. : ИЭА РАН-МБПЧ, 2007.
8. Миронова Н. П. Конфликтный потенциал молодежи Республики Коми // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Институт этнологии и антропологии РАН. 2009. № 85, май-июнь. С. 45–48.
9. Молодежь Республики Коми. Аналитический материал. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Сыктывкар, 2008.
10. Мукомель В. И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социс. 2005. № 2. С. 56–65.
11. Мукомель В. И. Ксенофобия и насилие в России: современные и грядущие вызовы // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Вып. 16. URL: http://www.isras.ru/pers_about.html?id=120 (дата обращения: 08.09.2010)
12. Об итогах служебной деятельности Управления Федеральной миграционной службы по Республике Коми за 9 месяцев 2010 года. Официальный сайт УФМС по Республике Коми. Новости. 12 октября 2010 г. // URL: <http://fms.rkomi.ru/news/news.php?show=2> (дата обращения: 20.10.2010)
13. Пельмегов И. Истинная национальность — человек // Твоя параллель. 2007. 26 января.
14. Пешкова В. М. Городское русское население Республики Коми: самосознание, этнические контакты и социокультурные ориентации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
15. Понарядова Г. М., Черепанова Т. В. Компоненты самосознания коми // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы : материалы Ме-

ждународной научной конференции (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000.

16. Рогачев М. Б. Межнациональные браки в городах Коми АССР в 1930–70-е гг. XX века (на примере гг. Сыктывкара и Воркуты) // Вопросы этнографии народа коми. Тр. института языка, литературы и истории КФАН СССР. Вып.32. Сыктывкар, 1985.

17. Рожкин Е. Н., Фаузер В. В. Межнациональные факторы социокультурной динамики в XX в. в Республике Коми // Питирим Сорокин в истории, науке и культуре XX века : материалы международной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина. Сыктывкар, 2009. С. 136–143.

18. Соколовский С. В. Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке. URL: www.prof.msu.ru/publ/book3/sok.htm (дата обращения: 18.02.2011)

19. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М. : Аспект Пресс, 2004.

20. Тимошенко В. Национализм и мы // Твоя параллель. 2006. 27 января.

21. Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Загайнова Г. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.

22. Шабаев Ю. П. Коми // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2006 / под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2007.

23. Шабаев Ю. П. Территориальное сообщество и этнические воззрения населения коми // Социс. 2004. № 11. С. 75–82.

24. Шабаев Ю. П. Этнокультурная ситуация в Сыктывкаре // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М. : Изд-во Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН, 2008.

25. Шабаев Ю. П., Гончаров И. А. Территориальная и социальная идентификация жителей Республики Коми (по материалам социологических исследований) // Формирование региональной инфраструктуры гражданского общества: социоэкономические и социокультурные аспекты : материалы Третьего Северного социально-экологического конгресса «Социальные перспективы и экологическая безопасность», 18–20 апреля 2007 г., Сыктывкар / [отв. ред. И. А. Гончаров]. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. С. 35–45.